

The background of the cover is a vibrant, ethereal scene. A young child with large, white, feathered wings is shown from behind, flying through a sky filled with soft, white clouds. The child is wearing a bright orange jacket and dark pants. The sky transitions from a deep blue at the top to a warm, golden-yellow near the bottom, where a bright sun or moon is visible. Numerous white birds are scattered throughout the sky, some in flight and others appearing as soft, glowing shapes. The entire scene is framed by a decorative white border with ornate, swirling patterns at the corners.

Человек внутри

А. Б. Шулятицкая

16+

Анна Богдановна Шулятицкая

Человек внутри

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56057060

SelfPub; 2020

Аннотация

В недалёком будущем люди научились создавать помощников, способных выполнять любую работу. Они умны, приятны в общении, дружелюбны и носят номерные браслеты, как и полагается всем без исключения. Я их не люблю, но чем чёрт не шутит! Может, чтобы понять, что помощники так же, как и люди, мечтают о счастье и жизни, полной творчества и любви, надо пережить смерть одного из них?

Содержание

Пролог	5
Глава первая.	14
Глава вторая.	30
Глава третья.	47
Глава четвёртая.	58
Глава пятая.	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Как важно знать, что где-то рядом
Есть тот, кто до конца поймёт,
Как жизни вечная награда,
Как сказочный души полёт.
Как важно улыбнуться снова,
Тому, кто той улыбки ждал,
Не нужно Счастья нам иного,
Лишь только жизни идеал.
Как важно Счастье видеть всюду,
Смотря в глаза, как в зеркала
И просто сохранить как чудо,
Ту душу, что всегда светла.

Людмила Сопина

Пролог

За большими кустами ритмично зашкряпали колёса. Шест травы достиг беседки, я оставил на скамье недочитанную книгу и выскочил сейчас же наружу. Облака разбежались, и моё лицо озарил солнечный желтоватый свет. По дороге, устланной каменной плиткой, ехала полная помощница в сиреновом костюме с квадратными пуговицами. У неё была круглая голова, пухлый нос и волосы, заплетённые в густой рыжий хвост, слабо развевающийся на ветру. Она улыбалась и показывала белые зубы, подобно весёлому малышу, часто нажимая на звонок. Он раздавался сильно и резко, словно его можно было услышать в любой части сада.

Помощница остановилась на тропе и сказала быстро:

– Здравствуйте!

Вероятно, ей хотелось поделиться со мной невероятной новостью. Она была не равнодушна и озабочена, и её браслет с числом три тысячи восемьдесят пять на запястье мигал красно-малиновым цветом.

Я спросил:

– Ты что-то нашла?

– Ничего.

– Тогда почему радостная?

– Я совсем не такая.

Она нахмурила ненадолго брови, но не переубедила меня.

Улыбка вновь расцвела на добром маленьком лице.

– Вы не знаете ещё, что случилось. Я знаю, но не скажу, если вы заняты.

Помощница бросила рассеянный взгляд на скамью за глиняным горшком.

– Я читал и бесился из-за ошибок корректоров, которые не соизволили поработать с книгой. Так что это даже хорошо, что ты меня отвлекла. Рассказывай. Всё равно пока отдыхаю.

– У центра собралась толпа, и мне показалось, что это что-то значит. Ведь многие не будут собираться в одном месте просто так? И крохи, и большие смотрят через стёкла. Не знаю на кого.

– Поэтому ты так торопилась?

– Не только! – воскликнула она и добавила: – Виктор просил передать, что желает видеть вас. Он был счастлив и что-то записывал в компьютере.

Я развёл руками. Помощница удивилась недовольству, прыгнула на велосипед и отогнала от себя мохнатого шмеля. Ещё чуть-чуть, и он присел бы ей на макушку.

– Почему же ты раньше не сказала, что меня зовут?

Она не нашла, что ответить и, намертво вцепившись в руль, покатила к шелковистым акациям.

Я проводил помощницу глазами и вышел по самой короткой дороге из сада. Центр действительно окружала небольшая восторженная толпа. Среди присутствующих были как

люди, так и помощники, все как один, были озадачены и говорили друг с другом о том, что не понимали. Я же не понимал больше всех и больше всех хотел узнать, что творилось за дверьми.

Охрана впустила меня внутрь, и мне навстречу бегом по прозрачной стеклянной лестнице спустился Виктор. Он был моим руководителем (целых четыре года!) и всегда подходил серьёзно к воспитанию помощников, а тем более к их созданию.

– Я тебя ждал, – сказал он возбуждённо и пожал большой ладонью мне руку. Сам он был такой же здоровый и крепкий, от него исходил насыщенный запах клея и синтетики. – Не быстро же ты. Тебя что-то задержало?

– Увы, я уснул, как только объявили перерыв. Помощница три тысячи восемьдесят пять еле разбудила меня.

Всем было известно, что Виктор строго относился к опозданиям и не любил, когда помощники его не слушались.

Уже как два месяца я собирался уволиться, но всякий раз отчего-то не решался оставить центр.

– Тогда ничего. Тоже иногда охота подремать за столом. Хочется, но нельзя.

Он вспыхнул, как пожар, и вытер платком влажный лоб, который пересекали морщины.

– Вы нервничаете, – осмелился я заметить. – Откуда их столько? Почему они стоят и будто чего-то ждут?

– О, сегодня нас всех ожидает много особенного. Помимо

того, что идут активные продажи, мы выпустили помощницу сто тысяч. Круглое число, прекрасное! Я думал отпраздновать сегодняшний день и посмотреть вместе с тобой на наше новое творение. Если, конечно, ты не уснёшь слишком рано.

Я попросил Виктора отвести меня к новой модели, и он подозвал своего помощника, который был человеком. Кирилл Михайлович был жилистым, сухим, сидел на третьем этаже в отдельном кабинете и подписывал со скрипом бумаги. Он никогда мне не нравился, потому что источал презрение и разбалтывал сотрудникам, что после того, как его карьера пойдёт вверх, он оторвёт язык каждому, кто называл его тихушником.

Мы шли в сопровождении нескольких моих коллег, обменивающихся друг с другом шумными поздравлениями. Было заметно, что они так же, как и я, переживали волнение.

– Такой ты ещё не видал, – сказал Виктор загадочно.

– В каком это смысле?

– Она изменит мир. Я это чувствую. Изменит мой и, может быть, твой.

«Что же он имеет в виду? Каким образом? Я хочу знать всё и сразу!» – думалось мне.

– Вы объясните, что такого в помощнице сто тысяч? – спросил я, и все молча остановились.

Виктория Бросова, что занималась тестированием помощников, шутливо упрекнула меня в излишней торопливости. Она взмахнула карандашом и стукнула им приятеля по

лбу, когда тот зло усмехнулся. Я стоял в недоумении и чувствовал, что от меня что-то скрывали. Точно прочитав мои путанные мысли, Виктор ответил спокойно:

– Ничего, подожди немного.

Кирилл Михайлович кивнул безмолвно и пошёл вперёд. Мы последовали за ним и, обогнув живое здоровое дерево, растущее внутри центра, очутились перед полукруглой дверью, наверху которой горела красная лампа. Кирилл Михайлович отодвинулся и позволил Виктору отворить дверь магнитной картой.

– Я видела девушку... помощницу, вернее. Так ведь называть некрасиво, – сказала Виктория и захлопала виновато густо накрашенными ресницами.

– Некрасиво.

Руководитель провёл нас через изогнутую арку в зеркальной стене и указал на светлую модель, которая находилась в центре комнаты с закрытыми глазами. Она отличалась от других и была тонкой и хрупкой, но не куклой. Я изумился тому, насколько крепким было её тело, и ещё тому, что боялся узнать, насколько она была похожа на человека.

– Хорошенькая, – сказал оценивающе коллега. – Когда она очнётся?

– Вот-вот, если так захотите.

– Включайте, включайте! – потребовали все.

– Стойте, – решительно произнёс я.

Грудь помощницы равномерно вздымалась. Она спала, и

ей снился яркий сон, который когда-то забавлял Виктора.

Я тронул помощницу за бледноватые плечи и щёки, украшенные родинками. Она была холодная, будто долго лежала под толстым слоем снега. Я позволил невольной грусти одолеть себя и посмотрел на всех так, как если бы они были мне чужими. Да, мне было совершенно не ясно, чему они радовались, и что находили в изобретениях, хоть и полезных.

– Включайте, наконец, Виктор! – повторил коллега. – Расскажите ему, что с ней.

Он позвал бодро:

– Помощница сто тысяч!

Она среагировала на низкий голос самым естественным образом и спросила, сонно разомкнув глаза:

– Мне пора идти? Куда?

Виктория шепнула мне в ухо:

– Кажется, в этом мы с ними похожи. Они не любят рано вставать и пускают слюни.

Она хохотнула, уверенная в том, что поделилась ценным наблюдением, и взлохматила мне короткие волосы. Странно смутившись, я отнял её ладонь.

– Помощница сто тысяч, ты понимаешь, кто мы? – спросил Виктор ласково. – Я полагаю, что ты сильно испугана. Тебе стоит одеться и выйти к нам в одежде, какую носят все без исключения. Зайди в помещение, оно позади тебя. Не забудь включить свет, чтобы не удариться о шкаф.

– Я сделаю, как вы просите, – произнесла она механически

и послушно и неуклюже заковыляла в гардероб.

Коллеги заворожённо смотрели, как она переставляла ноги. С каждым неуверенным шагом её походка делалась скованнее, и я кинулся молниеносно вперёд, чтобы помочь. Она покраснела и застенчиво улыбалась.

– Как ты? – спросил я в тёмном гардеробе, в котором нас никто не мог заметить.

– Плохо, – ответила она.

– Болят ноги?

– У меня болит абсолютно всё. Я слышала ваш разговор.

Виктор решил, что я особенная, но я так не считаю.

– А что ты считаешь?

– Ничего. Я помощница, и в этом моё призвание. Мне не обидно, что они не помогли. Спасибо, – она поблагодарила меня (браслет, вибрируя, засверкал голубым) и зажгла подвесной светильник, напоминающий мятый лимон. – Идите.

Я вышел из гардероба. Коллеги упрямо расспросили о том, что произошло.

Виктория спросила наивно:

– С чего ты взял, что она не дойдёт самостоятельно? Она взрослая и умеет ходить.

– Конечно, в чём дело? – вторил Кирилл Михайлович.

Я молчал, пока они не успокоились, а потом ответил:

– Неважно, сколько ей лет. Она недавно только задышала воздухом и никогда не пользовалась ногами. Возможно, она особенная, но она не обязана соответствовать вашим высо-

ким требованиям. И не удивляйтесь, что она беспомощная. Это были первые шаги, детские, а не взрослые.

Виктор по-дружески хлопнул меня по спине.

– Ты прав. Она ребёнок и ещё успеет показать, на что способна.

– На что, что способна? – промолвил я невозмутимо.

– Помощницу сто тысяч необязательно обучать, чтобы она привыкала к людям. Она сама научит нас другой, лучшей жизни. Вот ты поймёшь, если к тебе обратиться по-испански? Знаешь, как быстрее всего успокоить плачущего младенца? Или как строителю, который в последний раз рисовал красками в школе, написать красивую картину? Она умеет намного больше, чем кажется. О, намного!

Помощница вышла к нам в длинной одежде и кожаных туфлях на босую ногу. Она покружилась дважды, приподняв атласный зелёно-белый подол, и зарделась в предвкушении похвалы.

– Тебе не идёт это платье. Надень другое, – попросила Виктория.

– Как? Мне оно нравится.

– Видимо, одной тебе.

– Не глупи, – сказал коллега. Он тотчас же сделался безучастным, когда увидел помощницу одетой. – Какая разница, в каких ей тряпках ходить?

– Немедленно! – Виктория была непреклонна.

Помощница сто тысяч тяжело выдохнула и вернулась в

гардероб.

– Она найдёт нужное платье, и мы познакомим её со всем персоналом. Покажем, как она хорошо вышла, отведём в кинотеатр, – проговорил Виктор и внимательно посмотрел на меня. – Значит, с нами?

– Куда?

– Праздновать! – прошипела сердито Виктория. – Не забыл ли часом, что ты не один работаешь?.. До вечера я сама буду занята. Сироткам в приют одежду отвезу, но на банкет успею!

– Я пойду.

Назойливые мысли роились в моём мозгу. «На что способно изобретение человека, которому снятся фантастические сны, лишённые всякой логики? Увы, я не знаю, так как не мечтатель. Верно, у меня не так работает голова, поэтому я не люблю помощников и не испытываю ничего при встрече с ними. Ими любят, как драгоценными камнями. Через год или два в каждом доме будет такой помощник. Он сделает за вас ремонт и приготовит ужин, который вы не попробуете ни в одном дорогом ресторане. Может быть, всё не так ужасно, как мне видится? Может, я преувеличиваю, потому что не вижу никакой прелести в изобретениях Виктора? Я пойму его, но не сейчас, когда мне поручат записывать речь помощницы сто тысяч на диктофон», – размышлял я долго, пока коллеги не позвали меня на улицу.

Глава первая.

Неожиданный посетитель

За дверью бесшумно лилась музыка ветра. Дождевые капли сползали лениво с крыши. Близился безоблачный рассвет, и небо было точно разукрашено глубокой розовой пудрой.

Хозяйка сидела в шерстяном платке на широких плечах и поминутно глядела в окно за серо-коричневой птицей, которая прыгала по уличному креслу и тоскливо пела.

Я спросил за завтраком:

– А она каждый день прилетает?

– Каждый.

– Ты любишь её песни?

– Очень люблю, – ответила она живо и, не притронувшись к тарелке с супом, сложила руки на груди.

– Ты должна есть, иначе у тебя не будет сил.

– Сил хватает.

– Как же?

– Так. Я посильнее и тебя буду.

– Не сомневаюсь.

Дарья Сергеевна Трушкова была потрёпана временем, сторблена, худошава и непослушна, как ребёнок. В шестьдесят четыре с половиной года она не обращала никакого вни-

мания на старость и гордилась тем, что не страдала от болезней. Она часами гуляла около высушенного колодца, к которому вела заросшая сорняком тропа, бросала монеты в пустоту и с удовольствием слушала, как они тонко звякали в тишине.

Таинственный шелест леса привлекал её неизменно. Деревянный двухэтажный дом, который я делил с нею пополам, стоял на вершине холма в отдалении от иных, больших и тусклых домов с крытыми садами, и был выкрашен в спокойную белую краску. По одну сторону стоял маленький деревянный сарай, где хранились ржавые вёдра и прочий мусор. Перед крыльцом росла плакучая лиственница со свисающей кроной. Задний двор, увитый диким шиповником, был пустым и чахлым. Его скупо украшали поделки из пластиковых бутылок, развороченные фигуры животных. На хлипком заборчике была порвана сетка.

Дарья Сергеевна, бывало, выходила на дорогу и, осторожно облачиваясь на ограждение, следила за помощниками сверху. Она питала симпатию к новым моделям и сильно недолюбливала старые, что были не модернизированы, а потому слабы и бесполезны. Я стоял рядом, видел расстилающийся вдаль багровый горизонт, вершины сосен, огни, что зажигались на улицах, в неинтересных квартирах с коваными решётками на окнах, и давал ей решительно высказаться. Она лопотала, не закрывая рот, пока её лицо не терялось в сумерках.

В то время, как у подножья кипела жизнь, наша проходила в размеренном и безмятежном ритме. Каждый день проходил однотонным, но меня никогда не доставала скука, так как мне было поручено много дел.

Я работал в цветочном магазине «Летний розмарин», и моей главной обязанностью была, конечно же, продажа растений. Мне приходилось заботиться об их здоровье, убирать опавшие листья и много общаться с разными людьми, которые нуждались в красоте.

Как только завтрак был окончен, я оставил Дарью Сергеевну в гостинной и, переодевшись, вышел на крыльцо. Сел на ступени, чтобы насладиться влажной прохладой и поправил одеяло в кресле.

Птица испуганно вспорхнула на корявую ветку. Смолкла, изумившись новому дню, окутанному ласковым теплом.

В магазин я поехал на машине, а по пути включил энергичную музыку.

Непрерывный шум города глушил внутренний голос. Едкая коричневая пыль пачкала улицы и многочисленные светофоры. Блестели высокие здания, и повсюду висела и мигала броская назойливая реклама, как настоящая. Помощники носились с пакетами и сумками своих людей и располагались за кассами. Они строили крепкий мост, соединяющий между собой два обжитых острова, были водителями автобусов и ярко-синих такси, в общем, трудились.

В искусственном озере барахтались прекрасные утята и

плавала прекрасная утка.

Возле витрины «Летнего розмарина» стоял, нагнувшись, мой подчинённый Костя, одетый в мятую рубашку, кое-как заправленную в поношенные штаны. Шнурки на его левой кроссовке распустились и свисали до плитки, из-под кепки выбивались кудрявые, рыжие, опрятные волосы.

Костя полировал стекло, смотрел через него на амаранты в мраморных вазах и лютиков в подвесных горшках и был так увлечён, что не сразу заметил, как я подошёл. Он повернулся и показал толстые розоватые щёки, покрытые веснушками, и простые кругленькие глаза.

– Салют!

– Пора открываться.

– Да. Вы могли приехать позднее. Я бы справился один, – ответил он, гордый за то, что ответственно подходил к поручениям. – Клиентов сейчас много, и вы с ними со всеми возитесь, но не отдыхаете.

– Не вожусь, а обмениваюсь любезностями. В общем-то, они обмениваются со мной не меньше.

– Так плохо. Они это делают, потому что обязаны. Вы всем продаёте цветы. Даже тем, что наглеют.

– Не нам решать, воспитанный человек или нет. У меня тоже бывает дурацкое настроение, и я злюсь на тебя.

– Вы другое дело, – сказал он, затаив лёгкую обиду. – Вы мой руководитель!

Костя был молод и энергичен и никогда не грубил. Всякий

раз, когда я отворял двери магазина, он бежал ко мне и запыхался, чтобы похвастаться тем, что сделал до моего прихода, и показывал любимую жимолость, которую выращивал для дома. Обыкновенно, он суетливо занимался декорированием внутри магазина и не слушал, что я ему говорю. Впрочем, мне все молодые казались одинаково-деятельными и задумчивыми. Они словно витали в облаках и вынашивали смелые мечты, которые сумели бы в скором будущем воплотить в реальность.

Перед тем, как устроиться в «Летний розмарин» Костя обучался на курсах флористики в городском центре дополнительного профессионального образования. Приходилось жертвовать личной жизнью и довольствоваться малыми внезапными успехами, которые не кружили голову, но повышали мотивацию. Похвала трогала его за душу. Критика же воспринималась болезненно и равнодушно, как и сомнительные комплименты, которые напоминали лесть. Женщины с курса жадно слушали Костю, когда он выступал с речью в группе и предлагал вдохновенные идеи. С окончанием семнадцатого занятия он получил диплом и, вооружившись терпением, заходил по собеседованиям. Одним из работодателей оказался мой хороший знакомый, Дмитрий Костяшкин, человек неглупый, весьма преуспевающий в цветочном бизнесе. Он вскоре привёл ко мне Костю, когда у него ещё был чрезмерно впечатлительный темперамент и планы, которые не имели под собой надёжной основы. Мы заручились поддержкой

Костяшкина, и он вложился в наше предприятие.

– Ты не закончил?

Костя скользнул взглядом по стеклу, от которого слабо веяло химией.

– Нет. Я только начал.

– Как закончишь, подойди ко мне.

Я перевернул входную табличку и прошёл в магазин. Всюду, куда ни глянь, стояли деревянные ящики с яркими пышными цветами, на полках прозрачные и керамические вазы без рисунков и простые корзины, плетённые из лозы. На стене, против полукруглой стойки, была повешена мистическая картина. Солнечный луч рассекал белое платье спящей девушки. Я вдохнул родной сладковатый пахучий запах и, проверив кассу, взялся за опрыскивание листьев. Потом сменил воду лилиям, тюльпанам и нарциссам, подрезал и промыл их гладкие зелёные стебли и позвал Костю, чтобы научить его составлять букеты. Он выбрал белые пионы и нежные розы, из которых я и создал композицию. Цветы надо было располагать по кругу, чтобы они не торчали неровно и находились на одном уровне. Стебли я замотал хрустящей декоративной бумагой и стянул их извилистой лентой. Костя самостоятельно собрал букет, добавив много ромашек.

– Смотри, как некрасиво!

– У вас так же, как и у меня. Я не вижу разницы.

– Вот, – ответил я и указал на выбивавшийся пион. – Тебе, должно быть, кажется это пустяком.

– Один цветок ничего не испортит.

– Ещё как испортит!

– Почему же? Если бы выбивалась ромашка? Она мелкая, беленькая и почти незаметная.

– Мелочи могут быть незаметны лишь на первый взгляд.

Представь себе, что клиент покупает букет и не видит серьёзных недостатков. Он, к примеру, ставит его у себя на кухне и любуется им. Неприятно было бы в пятый раз видеть ещё свежий букет, собранный, на самом деле, без должной аккуратности.

– Глупо всё же. Покупатели не изучают букеты при помощи лупы, – рассмеялся Костя.

– Если только у них проблемы со зрением.

Я убрал моток атласной ленты, который валялся на столе без надобности, и передал бумагу Косте.

Он мотнул головой и мрачно отозвался о своём букете. Его терзала мучительная неуверенность в собственных силах.

– Всё равно плох. Зачем мне теперь продолжать?

– Ты научись. Нельзя бросать начатое.

Я убрал беспорядок, когда отворились резные двери. В магазин вошла белокурая женщина в приличном старомодном костюме. Она была весела и напряжена одновременно. Попросила самые дешёвые цветы, вероятно, чтобы подарить их нелюбимой, но важной коллеге. Костя предложил другой, роскошный пурпурный вариант, но женщина наотрез отка-

залась приобретать его. Костя испугал её неуместной настойчивостью. Он густо покраснел, и женщина смягчилась.

– Возьму, так и быть. Может, я не права.

– Держите! – просиял Костя, немедленно передав букет в крепкие холёные руки.

Она молча положила деньги на стойку и скрылась, хлопнув дверьми. В магазине сделалось очень тихо.

– Что скажете?

– Ты поступил правильно, хоть и был неловким и стеснялся.

– Ну, я ведь учусь.

К обеду мы были собраны и разговаривали друг с другом только на темы, касающиеся непосредственно нашей работы. Костя прогнал хулигана, который развлекался, швыряя мусор около витрины, и убрал в перчатках осколки разбитой бутылки. Он пообещал, что такого больше не повторится, но его не в чем было винить.

К вечеру на город обрушился ливень, и люди и помощники скрылись под шляпами зонтов. Кромешный мрак обступил закрытый «Летний розмарин». Меня переполнило облегчение, я пересчитал деньги, и уже хотел было погасить свет, как вдруг послышался громкий торопливый стук. Неизвестный, обёрнутый шарфом, проговаривал еле различимые слова под плачущим карнизом.

– Кто там? Он не видит, что мы не работаем? – спросил Костя. – Не понимаю.

Он указал на табличку, но неизвестный юноша за стеклом был непоколебим. Мы забеспокоились.

– Уходи! Давай!

Он стоял, больше не стуча монотонно в двери, и шептал непрерывно: «Открывайте. Я не могу без приглашения, не могу!»

Я впустил его к нам. Костя был недоволен своенравным помощником.

– Ну, что тебе? Ты слепой?

Юный помощник дрожал заметно от холода и кутался в рвань, которая когда-то была пальто. Он жмурил живые и умные тёмно-карие глаза, в которых блестели слёзы, и массировал ладони. Костя сурово молчал. По его красному лицу было видно, что он хотел поругаться с помощником и вытолкать его силой на дорогу.

– Что ты хочешь? – спросил я помощника, под которым расплзлась грязная лужа. – Если ничего, то уходи. Мы сегодня больше ничего не продаём. Надеюсь, ты не потерялся?

– Нет!.. – воскликнул он грозно.

– Не уйдёшь? – спросил я и недовольно хмыкнул.

– Я не мог потеряться! Мне бы букет. Пожалуйста, дайте красивый букет!

– Какой букет? – удивился Костя и, взглянув на лужу, прошептал: – Вытирать ещё за ним... Мы ничего не дадим, верно?

– Верно.

У помощника изменился тон голоса, он шагнул уверенно вперёд, выпучив глаза, и улыбнулся, как чужак.

«Где телефон?» – подумал я, но не сделал и движения в сторону.

Бело-жёлтая молния озарила «Летний розмарин», и призрачная лошадь с картины приобрела злой и страшный оскал. Девушка с опущенными руками сделалась совсем беззащитной. Грохотнул гром в чёрных тучах. Дождь полился с большей силой.

– Я сказал, что мне нужен букет! Ваш магазин ближе всех к дому. К тому же, мне сообщили, что вы выполняете любые капризы своих покупателей.

– Выполняем, если только они не заявляются к нам поздним вечером, – заметил Костя. – Посмотри на время!

Юноша вынул электронные часы из внутреннего кармана пальто и протёр пальцем заляпанное стёклышко.

– Без двадцати десять.

– Тогда не задерживайся! – произнёс я как можно строже.

Моя резкая фраза лишь сильнее задела его, потому как он тотчас поспешно убрал часы и, кинувшись бурно за прилавок, замахал конечностями. Шарф слетел, я зачем-то аккуратно подхватил его обеими руками. Полка позади кассы затряслась ходуном, когда помощник ударился нечаянно локтем и разбил пузатый коричневый кувшин. Он опустился на колени и, точно обронив кошелёк, проверил быстренько пол, а после выпрямился и заметался беспокойно, раскрывая

ящички, доверху забытые украшениями.

Костя вцепился крепко в помощника, пока тот брыкался и прятал неумело в ладони простой бирюзовый бант.

– Остановись же ты! – потребовал он. – Перестань носить-ся, ты не в сумасшедшем доме, а в цветочном магазине! Ну, это пока...

– Отдайте красивый букет, умоляю! Вам не важно, что будет со мной, если я не куплю цветы? – спросил он, задыхаясь, и горячо воскликнул: – Верните шарф хотя бы! Он мне дорог, как ничто другое.

– Хорошо, что у тебя есть то, чем ты дорожишь.

– Ты хотел украсть бант! Вор! – прокричал Костя, не отпуская помощника, и отобрал насильно бант. – Есть ли нам дело, что будет с вором? Ты плохо одет. Даже слишком для помощника. Может, ты бездомный? Или за тобой не ухаживают?

Я взглянул на несчастного, и он тоскливо пробормотал:

– Не вор я. Вы не понимаете?

– Слушай, если ты получишь букет, то больше не явишься к нам? – спросил я равнодушно.

– Естественно, – ответил он. – Не кричите на меня. Я боюсь, когда на меня поднимают голос.

– Не будем.

Костя упрямо возразил мне, что не собирается давать ему ни цветка и, наконец, успокоив нервы, ушёл собирать осколки кувшина. Я вынул неохотно из горшка с водой девять све-

жих розоватых хризантем, перевязал их другим бантом, который был совершенно сух и не помят. Бант, что помощник собирался украсть, оказался в коробке с нехитрыми вещичками, которые было жалко выбросить.

– Знать бы ещё, кто тебя послал в дождь, – прошептал Костя ядовито.

Помощник отряхнулся, будто от пыли и, сделав поклон, тихо извинился, что до сих пор не называл своего номера и убрал липкие волосы со лба.

– Какой же у тебя номер?

– Десять тысяч триста восемьдесят пять. Откуда такое любопытство? На что вам моя семья? – спросил он Костю с недоверием. – Снова броситесь на меня, как зверь? Я ведь по-хорошему просил.

– По-хорошему? Да что ты! Если бы и так, то пришёл утром или днём, как люди.

– Не сравнивайте меня ни с кем, – сказал помощник мягким, но решительным тоном.

Он завязал потрёпанный синий шарф с большими витиеватыми буквами вокруг шеи, положил небрежно купюру на прилавок и протянул правую руку, чтобы забрать букет.

– Надеюсь, не увидимся больше.

– Да, не сомневался, что вы так скажете, – выдохнул помощник и перевёл на меня задумчивый взгляд, в котором чувствовалась беспричинная радость.

Он улыбнулся сдержанно, словно не желал, чтобы его

улыбку заметил Костя.

– Кажется, я вас знаю. Возможно, и нет. Я часто ошибаюсь, – вымолвил помощник, прежде чем поклониться во второй раз.

Нешуточная гроза утихла, капли барабанили по карнизу всё незаметнее и тише. Тучи отступили, и в небе появилась долька крошечной луны, от которой исходил слабый белый свет. Улицы заполнились гуляющими без зонтов, капюшонов и непромокаемых плащей, усилился, наконец-то, людской гомон, визг машин, и стих промозглый ветер, разгоняющийся меж домишек.

– Ты ошибаешься. Мы никогда до этого не виделись.

– Правда, правда? – переспросил он озадаченно и сощурился. – Даже если вы меня не видели, то я вас видел когда-то отчётливо, но не говорил с вами близко. Вы не снимались в рекламе? Почему-то я вспомнил одного человека, который продавал садовые скамейки. Он сильно похож на вас. У него такой же кошачий разрез глаз, такие же русые волосы, искусанные губы, есть родинка на лбу. Я долго наблюдал за ним, за его размашистой и медленной походкой и словами, которые он произносил. Звали продавца, кажется, Андреем... или Виталием... может, Данилой? Не помню.

– Дело в том, что я продавал и продаю одни цветы, а не скамейки.

Костя подтвердил, что я подобным в жизни не занимался и закончил убирать осколки.

Помощник огорчился, что не до конца вспомнил меня, повернулся к нам спиной и, сделав несколько шагов к выходу, вдруг задержался рядом с декоративной пальмой. Он молчал, пока Костя вновь не рассердился страшно на него.

– Кто ты?

Было сумрачно, душно и печально, как в кошмаре. Помощник обернулся и сказал сухо, будто сминая крекер:

– Кто я? Просто помощник, и больше ничего. Живу с одной женщиной и с одним мужчиной по фамилии Пустыркин. Слыхали, как восемь месяцев назад в честь предков Пустыркиных решили назвать улицу?

– Нет, – сказал Костя.

– Вы многого не знаете и не слышали. Ну что ж, не беда! Пустыркины окружают меня заботой, как члена своей семьи, а я приношу в квартиру цветы и другие красоты в благодарность за доброту.

Лампа тревожно замигала, и муха, что до этого тыкалась в потолок, пролетела с жужжанием мимо моего носа. Я спугнул её, не отрывая немигающего потухшего взора от серьёзного выражения помощника, осунувшегося и белого как мел. Костя положил на моё плечо руку. Я торопливо скинул её, следя неотрывно за тем, как меняется до неузнаваемости ясный облик нарушителя спокойствия. Нечто хорошо знакомое и даже близкое удалось мгновенно уловить в открытом и угрюмом помощнике. Меня кольнуло горькое расплывчатое воспоминание, которое сразу же померкло. Непрошенные

мысли порождали в душе смятение и наполняли её смутным предчувствием. Тело пронизал озноб, сердце билось часто, и его стук отдавался над верхней губой. Слова Кости были невнятные, они разносились эхом по магазину.

«Значит, ты пришёл в «Летний розмарин» не для того, чтобы купить букет? Есть ли скрытый смысл в твоих поступках?» – подумал я с волнением.

– Идите за мной, и я покажу наш дом, – воскликнул помощник и поправил шарф, что вот-вот должен был распусться. – Боитесь, что поведу вас по тёмным переулкам? Ха-ха-ха! – захохотал он противным смехом, от которого я содрогнулся. – Нет, мы живём не на окраине, а в центре, в сорок пятом доме.

– Зачем мне идти за тобой?

– Не ходите!

Костя намеренно отвлекал меня, чтобы я не задерживался на помощнике.

– Отстань, – брякнул я вслух.

– Не слушайте, что он лепечет. Язык без костей у него, помело. Глупо.

– Вам кажется, что я болтун? – изумился юноша. – Нет уж, так не пойдёт... Я не с вами говорю, тем более. Не перебивайте.

– Продолжай, – попросил я.

Помощник, очевидно, продолжать не намеревался. Он полностью преобразился, заметно посветлел и немного смяг-

чился. Щёки его залила нежная акварель, рот растянулся в озорную ухмылку. Да, продолжения не последовало, но я не настаивал.

– Всё?

– Всё, – произнёс он неестественно звонко.

Уже ничего не чудилось странным, густой шум не стоял в ушах. Луна изменила яркость и озарила помощника с букетом в белой аккуратной руке, сотрясаемой дрожью.

Глава вторая.

Сорок пятый дом и его обитатели

Костя заключил, что помощник был не в себе. Он не предполагал даже, какие мотивы двигали им, и собирался забыть о произошедшем, как о беспокойном сновидении, посоветовав мне сделать то же самое. Рассудок мой быстро прояснился. Я также возмутился поведению помощника, когда мы с Костей заперли двери «Летнего розмарина», вышли освежиться, и откровенно высказался:

– Бесспорно, он поломан! Какая-то деталь, дурацкий механизм... У него нет браслета, хотя они все без исключения их носят, – задумался я ненадолго. – Как считаешь?

– Наверняка потерял, – сказал Костя. – Он просто не из этих... Ну, их...

– Каких?

– Забыл. Слово на языке вертится, а вспомнить не могу, – объяснил Костя, слегка оробев, и поёжился от сухого треска за деревьями. Навстречу нам выбежала собака, вся в тёмно-рыжих заплатках, с тонким ошейником из железа, а за ней выпрыгнул как ошпаренный мужик и, схватившись за поводок, потянул бедолагу за собой через дорогу. – Сегодня суеты больше обычного. Как им не надоело? Ну сами посмотрите, их раздавит машина! Хм. Неважно.

– Он дефективный. Совсем старый, хотя внешне не особо-то и видно. Не знаю, почему я не позвонил в полицию. Заодно бы не мучились в догадках.

– Я не мучаюсь. Зачем. А вы? Что, пойдёте за ним?

– Нет! Мне делать, что ли, нечего? Я просто так сказал, чтобы узнать, как ты.

На самом же деле, я мучился лишь головной болью. «Неизвестно, как работал мозг помощника, и какие там образовывались мысли, которые не были предусмотрены программой, наверняка ещё и загруженной с ошибками. Если программы, как таковой нет, то нет и смысла в существовании помощника. Мне тошно думать, что он сидит и дожидается меня в квартире, причём его хозяева не представляют, что он натворил», – подумал я, а вслух произнёс о том, что не имело ни малейшего отношения к вечернему инциденту:

– Завтра забираем заказ у поставщика. Не забыл?

– Как тут не забудешь!

Костя припомнил, что в магазине у меня был серый и тоскливый взгляд, будто бы мне не принадлежащий.

– Зовите, если буду нужен.

– Куда звать? – удивился я, остановившись перед светофором, алым, как маковый бутон. – Эй! – окликнул громко, и все серьёзно оглянулись и застыли неподвижно, точно восковые манекены.

Повисла душная тишина, и облачное одеяло затянуло луну. Я заметил, как между грязно-жёлтыми улочками пронес-

лась знакомая фигура. Она миновала безликие серые в девять этажей дома, которые подлежали реконструкции, стеклянный шкафчик с книгами фантастического и фэнтезийного жанра и, свернув торопливо в пустынный переулок с облезлой вывеской на болтах, припала к стене. Как по волшебству замерло время. Только фигура повернулась боком, вытянула пустые руки, чтобы ухватиться за поломанный фонарь, и бесшумно спустилась. Мрачные опасения тотчас отпали. Костя, верно, не достучавшись до меня, пошёл один по зебре. Я нагнал его и довольно посмотрел на оживших людей и на переулок, где лежал человек без букета из «Летнего розмарина». О, к счастью, он валялся вовсе без чьего-либо букета.

– Вы очень рассеяны. Хватит с вас воздуха, – сказал Костя, огорчённый моей невнимательностью. – Поезжайте домой. Тяжело и плохо мне.

– Болееешь?

– Всегда так после прогулок. Особенно, ближе к ночи.

– Значит, гуляй утром, часов в пять или шесть.

– Очень рано и скучно, когда не с кем. Дальше что? Он вам повсюду мерещиться будет?

Костя неловко отвернул лицо.

– Ну, что ты? Обижаешься?

– Нисколечко, – выдавил он сквозь зубы. – Только не делайте выводов насчёт помощника. Первое впечатление правильное всего.

– Хорошо, твоя взяла, – рассмеялся я снисходительно. – Больше ни слова о нём, ни мыслишки. А знаешь, что?

– Не знаю. Расскажите, – потребовал Костя, и с губ его сорвался сухой смешок. – Если что-то по работе, если вы заговорите... хоть о макраме! Я выслушаю. Не дай боже, о помощниках! Прошу вас, как человека!

И так мы сделали круг, пока я говорил о Дарье Сергеевне, как она испекла черничный пирог и угостила им соседей, живущих у подножья холма. Мы распрощались. Костя устало сел на лавку рядом с «Летним розмарином», вынул блокнот, а как только понял, что забыл карандаш или ручку, то сразу насупился и позвал меня, размахивая руками, но я уже был далеко и не развернулся.

Город горел беспокойными огнями, в каждом из стёклышек раздувался пляшущий костерок. Уже не было видно уток, но было видно тёмное озеро, за которым вырисовывался длинный золотой шпиль Троицкого собора со светло-зелёными куполами. Ветер качал коричневые тополя и редко подхватывал сморщенные листья, шуршащие по асфальту. Раздавался топот, скрип и бестолково-расслабленные голоса. До меня долетали бессвязные фразы, которые я не переставал повторять от безделья вслух.

Не прошло и половины часа, как я убедился в обманчивости умиротворения.

По одному из пешеходных мостков через реку бежал, неуклюже спотыкаясь, помощник с лохматыми хризантема-

ми. Он толкался, но не смотрел на людей, которые его дружно ругали и таращили глаза, а глядел вниз. Кто только не кричал на помощника! Один ребёнок заливался неудержимым хохотом, показывая некрасиво пальцем на бегуна, другой хныкал из-за того, что хотел бегать также быстро и всхлипывал, и размазывал слёзы по красному пухлому лицу.

– Держите его! – тонко взвизгнула девушка в розовенькой кофточке и налетела на юношу в роликах. – Куда едешь? – вспылила она и прикоснулась к ушибленному плечу. – Тут бегают чудак!

– Мне то что? – спросил он.

– А то, что надо быть аккуратнее. Я чуть не грохнулась!

– Извини, не хотел, – сказал юноша равнодушно и немедленно съехал с мостка.

– Что у него? Цветы? Ах, как романтично! – воскликнула другая девушка, взяла тотчас своего молодого человека под руку и кинулась целовать его.

– Не при всех, – поморщился молодой человек и решительно отстранился.

– Стой! – закричал я. – Подожди!

Помощник не расслышал меня, но, казалось, набрал скорость. Он пробрался через толпу велосипедистов в ярких защитных шлемах и помчался между тесными кривыми двориками. Я неустанно преследовал его и нервничал. Порою мелькало развешанное бельё, виднелись искажённые заботами лица, запирались и распахивались окна, и крашенные

подоконники расплывались, как ненастоящие. У помощника развеялся заляпанный шарф поверх мокрого пальто с оттопыренными карманами, трепетали волосы.

Он добежал до развилки и, как-то поскользнувшись, упал спиной на бордюр, при этом возмущившись женщине, которая растрогалась от жалости к нему.

– Идите, куда шли! Не видите, что я загораю? – спросил помощник и резко встал с букетом. – От загара моя кожа переливается нежно-белым цветом.

– Простите, от какого такого загара?

– От лунного.

– Извините, не думаю, что лунный загар бывает в природе, – засуетилась женщина с большими руками.

– То, что на вас не действует луна, ещё ничего не значит!

– Вы бы к врачу обратились, если так больно стукнулись, – посоветовала женщина мягко. – У вас не идёт кровь? Я позвоню в скорую. Или вы сами поедете?

– Мне не нужна ваша помощь, – огрызнулся помощник и, прижав руку к виску, немножко покоробился. – Боль есть, но это не страшно. Я привык.

– Как знаете, – сказала она, пожав плечами, и пошла к автобусной остановке как ни в чём не бывало.

Помощник, завидев меня, сверкнул потемневшими глазами и опрометью бросился влево. Я продолжил ехать за ним, не поднимая полностью стекла. После хмурого переулочка, с разрисованными мусорными баками, машинами, остав-

ленными в дождевой грязи, и паутиной густо сплетающихся проводов, мы очутились на многолюдной улице, засаженной пышной зеленью. Передо мной выросла светлая стена однотипных домов из кремовых кирпичей. Покатые крыши домов были добротными и зелёными, как трава. Пестрели витрины сверкающих лавок, и девочек распирало от смеха за раскидистым каштаном, украшенным лампочками, которые почему-то не работали.

Помощник остановился, наконец-то, у дома, скорее всего, сорок пятого. Он искупался с улыбкой в лунном свете, вынул, чтобы мне было видно, засаленный бесцветный браслет и приложил его к выпуклому узору на двери. Раздался мелодичный звук. Помощник прошмыгнул в подъезд.

– Да чтоб тебя!

У дома курил сигарету кто-то в стареньком мятом свитере, синих штанах, заляпанных спереди кляксами, и поношенных обувках. Он изучал надписи на резной скамье под клёном и жмурил тусклые сонные глаза. Иной раз тяжело сопел, словно был простужен, и вглядывался бездумно в своё отражение на воде. Я подошёл к нему, и моё сердце ожило надеждой.

– Вы живёте в сорок пятом? – спросил я у мужика.

– Допустим, живу. Зачем мне ещё стоять здесь?

– Действительно, незачем, – согласился я и закашлял, да так громко, что мужик скривил губы, и его небритый подбородок дёрнулся.

Он пробасил:

– Ты не куришь? Вот я курю, поэтому мне так хорошо. Возьми сигаретку, может, полегчает. Сигаретка от всякой боли спасает, поверь на слово. Если ты осторожный, то провь сам. Я не подсуну тебе ничего плохого.

– Не по мне такой метод. С чего вообще должно легчать? – спросил я, приняхался к тошнотворному дыму и посерел.

– Отойди, если слабенький, – обратился мужик небрежно.

– Слушайте, мне надо в дом.

– А, для чего? – удивился он и почесал грудь. – Я тебя никогда не видел. Ты откуда взялся?

– Оттуда. – Указал я плавно вдаль, где высился заросший холм и мелькали синеватые тени. – И не увидели, если бы не один тип. Он помощник и злит меня весь вечер. Забегал минуто назад.

– Видел такого. Украл веник?

– Цветы он купил в магазине, всё законно. У меня к нему дело... или у него ко мне.

– Так-так...

– В общем, вы пустите меня или нет? – спросил я с явным недовольством. – Вам до квартиры рукой махнуть, а мне ехать далеко. Километра два как минимум.

– Что за дело?

В конце концов, я рассказал мужику, как познакомился со странным помощником, как он требовал яростно букет, и как у него молниеносно портилось и улучшалось настрое-

ние, упустив, конечно же, кое-какие подробности, совершенно бесполезные малознакомому человеку. Мне было неудобно, что я жаловался на помощника, но слова вырывались сами собой. Как только мужик терпеливо выслушал меня, я глубоко выдохнул, и мне сделалось легче, чем было до этого.

Он крепко задумался и, обмусолив сигарету, вынул зажигалку.

– Точно не попробуешь?

– Ни за что!

– Хорошо, пропущу в дом. Но ты потом объясни, что сказал помощник, а то они мне все жутко интересны. Я провожу, так сказать, небольшой эксперимент. Эксперимент важный и нужный, но не для меня, а моей Ани, – сказал мужик, слабо усмехнулся и, бросив сигарету, растоптал её в кашу обувкой. Зажигалку спрятал. – Курить даже нет желания. Ты слишком серьёзный. Позволь-ка рассмешить тебя одной нелепой случайностью, произошедшей со мной позавчера. Уверен, что ты любопытный, и выслушаешь меня. А?

Мужик, назвавший себя Василием, говорил возбуждённо и был как открытая книга.

Он воспринял молчание, как знак согласия, и, позабыв, кажется, о нелепой случайности, стал осыпать несколько не смешными шутками и сразу же посвятил меня в тайны своей семьи, на которую внезапно обрушилось проклятие, и каждые пять лет умирал не своей смертью кто-то из его рода или случалась какая-нибудь другая беда. В двух тысяча тридцать

пятом году, как ни странно, проклятие проявило себя впервые. Утром пятнадцатого августа прабабка Василия семидесяти девяти лет начисто переписала завещание и, порвав его зачем-то в клочья, повесилась на люстре. Никто из живущих с нею не поверил, что ей хватило сил, а тем более духу удаться, ведь она пугалась смерти, как злейшего врага, и любила внучку, ради неё и жила. Василий с женой присутствовали на похоронах, но почти не плакали.

Прошло незаметно пять лет, и в тот же месяц того же числа разграбили квартиру Василия. Анна проверила все раскрытые шкафчики и тумбы, стащила матрац, под которым хранила скудные сбережения, но ничего не увидела, кроме красной копейки, когда-то по чистой случайности закатившейся под кровать. У неё подкосились колени, она беспомощно упала в кресло и заломила руки. Василий сорвался с работы и тотчас приехал к Анне. Он успокаивал её, хоть и был ввергнут в отчаяние, и переживал, не показывая эмоций. Они надеялись переехать на новое место и заняли деньги, которые отдали полностью через четыре с половиной года.

В следующий раз, которого совсем не ожидали, пострадала двоюродная сестра Анны Елизавета, когда вела автобусную экскурсию. Август стоял жарким, как июнь. Солнце жгло, и плыло мало облаков. Вода была одной из главных спасительниц от невыносимой духоты, и Елизавета еле держалась на ногах в переполненном автобусе с потными и во-

нучими людьми, у которых от зноя слипались глаза и болели головы. Она как всегда расплывалась в заметной, но не вызывающей улыбки и развлекала всех заученными наизусть фактами. Водитель провалился в дрему, а очнувшись, как по чьему-то приказу, резко крутанул руль и, сжавшись, крепко стиснул зубы. Автобус боком задел рядом мчавшую машину. Люди попадали с сидений. Побледневшая Елизавета стукнулась затылком о стеклянные двери, и взгляд её стал умоляюще-беглым. Вместе со всеми она потонула в ужасающем грохоте. Произошедшее с нею далее Василий решил не описывать.

– Так когда вы поняли, что это проклятие? – спросил я, когда мы стояли на седьмом этаже, и на лестничную клетку струился голубовато-белый ручей света.

– Ну ты подумай, почему пятнадцатого августа, а не двадцатого сентября, к примеру, или третьего марта? Аня предположила, что это проклятие, когда нас обворовали. Спорить с ней бесполезно, как и ссориться, она всё чувствует.

– Вы не допускаете, что это всего-навсего цепочка совпадений? – заметил я скептически.

– Не исключаю. Несчастье... чертовщина...

– Она самая, – сказала бабка сверху и, мягко ступая в тапочках, крикнула на Василия: – Вы бы лучше переехали, раз такая ерунда. Другим доставите бед.

– Боишься?

– Я?.. – удивилась бабка со сморщенной обезьяньей мор-

дой. – Было бы чего.

– Бойся, бойся, – повторил Василий настойчиво и пошёл на бабу, оскалившись. – Ты же первая, кто получишь по башке. Помни, что меня плохо злить.

– Нет! – взревела она мощно и стукнула его в грудь. – Уже пошутить нельзя.

Бабу заторопилась по лестнице, и Василий, проводив её взглядом, захохотал презрительно.

– Трусливая!

– Что у вас за отношения с соседкой?

– Верно, никакие. Как-то она забыла выключить кран и затопила нам квартиру. Я и сказал сдуру, что проклят. Сейчас-то соседи почти не здороваются друг с другом, не знают, как даже выглядят. Зато с этой нет проблем. Пусть у неё трясутся поджилки, иногда полезно.

– Жестоко, Василий.

– Не очень... Уже в следующем месяце, – проговорил он совершенно холодно. – Мне потому не сидится дома. Хочется курить и следить за двором. А, квартирку я тебе открою, и ты войдёшь.

– Зачем же? Я не ради вас пришёл. Не забыли?

Василий загадочно усмехнулся (как странно заблестели чёрные зрачки!), отворил дверь ключом и подтолкнул меня в тесную прихожую, в которой мирно тикали часы. Он шагнул следом за мной и включил настенные светильники. Из полутёмного коридора вышла девочка лет семи-восьми с бу-

рым пластмассовым медвежонком, подняла осторожно упитанное крошечное лицо, обрамлённое каштановыми локонами, и спросила робко:

– Кто тут стоит?

Василий снял обувки и сказал ласково:

– Он наш гость. Не бойся, малышка.

– Я не боюсь, ведь я не маленькая, – ответила девочка и надула розовые щёки. – Если хотите, мама даст чай и шоколадные конфеты. И вымойте руки перед едой. С невымытыми руками мама за стол не пустит!

– О, Сонечка, он не будет есть, – посмеялся отец тихо и нежно. – Ему не до сладостей.

– А что ещё делают гости? Они едят, пьют и веселятся со взрослыми.

Прозвучал оглушительный топот, а затем в прихожую влетел помощник десять тысяч триста восемьдесят пять в домашней одежде. Он попросил оставить нас наедине в своей комнате, и усадил там меня в рваное кресло. Сам он расположился на стульчике, обтянутом светло-рыжей материей.

– Так вот, что у тебя за хозяева.

– Заметьте, Пустыркины, – улыбнулся помощник мягко. – Хорошие, очень хорошие!

– Мне ни о чём не говорит их фамилия. Скажи, что ты хочешь?

– Ничего. Я трясся от страха, когда вы гнались на машине за мной. Хотя, знаете... – Вдруг помощник подскочил и

взволнованно воскликнул: – Хочу! Хочу, хочу всего! Всего хочу, что у меня нет, но что находится у вас! А именно работы, потому что без работы скучно. Я убираю полы, даже когда они сверкают от чистоты. Убираюсь от безделья. Денег никогда не зарабатывал, хотя трачу их ежедневно. Ну, что обо мне думают Василий и Анна? Что думаете вы? Не думайте плохо, потому что я просто хочу быть полезным и важным. Вы с Константином располагаете столькими возможностями, что я завидую. Мне совсем не нравится завидовать.

– Так ты не пробовал устроиться куда-нибудь? Помощники востребованы во многих профессиях.

– Каких? – поинтересовался он и заёрзал на стульчике. – Скажите, пожалуйста, какие мне подойдут профессии. Вот Василий водитель. Жаль, что он меня не возит. Я бы покатался с ним по городу, но он не разрешает.

– Сомневаюсь, что ты был бы отличным актёром, художником, композитором, писателем, танцором, ювелиром или столяром. Для этих профессий хорошо иметь страсть, талант и хорошо испытывать чувства и, конечно же, упорно трудиться. А что ты мнёшься?

– Неправильно всё это, ой, как неправильно! – запричитал помощник и, весь подавшись вперёд, поставил локти на колени. – Вы как будто ставите на мне крест. Но зачем? Я всего лишь попросил назвать профессии. Мало ли, где я могу пригодиться. Если надо будет, то и страсть пробужу и талант разовью. А раз так, то и денег заработаю.

– У тебя есть талант?

– Нет, – произнёс помощник низким тоном. – Вернее, я не знаю, что у меня есть, а чего нет.

– Видишь, как получается. Тебе просто-напросто нечего развивать.

– И что мне остаётся делать? – спросил он с необыкновенным огорчением и прикусил губу.

– Выбирать другое, что-то подходящее, – ответил я и переместился к низкому окошечку с тусклыми засохшими каплями. – Больше не приходи в «Летний розмарин», а то Костя прогонит. Я попрошу Василия, чтобы он хорошенько приглядел за тобой.

Помощник сполз со стульчика на отвратительно сотканный ковёр, заложил руки за голову и, мигнув одним глазом, сказал совсем по-ребячьи, как Сонечка:

– Туда не ходи, сюда не ходи! Говорите, как Анна. Вы не заставите меня.

– Ты понял или повторить?

– Я понял, – вымолвил он и, замерев, добавил: – Старикан... Эй, ну что вы горячитесь? Не раздавите меня своими лапищами! Я жить пока хочу, – захохотал помощник весело, когда я крепко выругался и толкнул его вбок ногой.

Он смеялся так и валялся перед кроватью с двумя плоскими подушками, пока вновь не сгустились тучи за окошечком, и комната потонула во тьме. Обоим нам было не по себе. Побежал холодок по коже. Помощник нащупал выключа-

тель, пугливо осмотрелся по сторонам, и на губах его мелькнула вымученная улыбка не то робкая, не то грустная. Лампа осветила кровать, кресло и стульчик, и стол со скомканной исписанной бумагой. Там же в пустой пластиковой бутылке, чуть наклонившись, стояли тощие колосья и чикали красные часы с чашечками звонка, сделанными для красоты.

– Ты обманывал и не видел меня. А я приехал, как дурак. Иди ты к чёрту!

– Сами идите туда же! Выходите, выходите скорее, пока не вошла Анна. Она оглохнет от вашего крика, и нам несдобровать, – предостерегающе пискнул помощник и вытолкал меня за дверь, но не захлопнул её.

– Ну?

Помощник приложил глаз и губы к дверной щели и проговорил уже совершенно спокойно:

– Вы не уходите, поэтому я стою тут. Хотите верьте, хотите нет, но мы виделись однажды. И я бы выбрал работу монотонную и скучную, да только не могу. Меня словно направляет какая-то сила, о которой я ничего не знаю. Она тянула меня в «Летний розмарин», и мне теперь стыдно, что я был странным. Константин, наверное, крутил пальцем у виска.

– С чего вдруг? Ты ему не нужен.

– Так оно и есть. А говорят и крутят. Крутят и говорят. По крайней мере, все те, с кем я сегодня столкнулся.

Он часто заморгал и хотел было ещё что-то сказать, но ко мне подбежала Сонечка с тем же бурым медвежонком, у

которого было оторвано левое ухо.

– Чего тебе?

– Вы ругались.

– Ни за что, – бодро заверил Сонечку помощник, выйдя из комнаты.

Он подхватил девочку на руки, поцеловал её нежно в лоб и спросил мягким красивым голосом:

– Где мама? Почему она до сих пор не вышла проверить, что к нам зашёл Владимир? А... Ну, если так нездоровится, то ничего. Со всеми бывает, – прошептал помощник и попросил меня уйти по-настоящему.

На лестничной площадке я вновь встретил бабку. Приподнявшись на носки, она тянулась до кошки, которая лежала на подоконнике и махала облезлым хвостом.

– Мяу! – закричала она и зашипела протяжно.

– О, что за беда, – буркнула бабка. – Сиди тогда, что мне с тобой делать.

– То ли ещё будет... То ли ещё будет, – повторил я и покосился досадливо почему-то не на бабку, а на кошку.

Глава третья.

Сон Владимира Беркутова

Дарья Сергеевна не спала в комнате на втором этаже, а писала море акрилом в гостиной. Рядом с нею, на столике, не укрытом скатертью или салфеткой, лежали заляпанные тюбики с краской, мягкие старые тряпочки и кисти с маленько растрёпанными белыми волосками. Картина была впечатляющая, огромная, и человек в лодочке, рассекающей тёмно-бирюзовые волны, не боялся бури, которая назревала в воздухе.

У Дарьи Сергеевны всякий раз поднималось настроение, когда она бралась за любимое дело. Сегодня же почему-то её настроение было неважное, и она жаловалась то на жару, то на холод и просила меня то распахнуть, то закрыть окно, едва прикрытое полупрозрачной шторой. Я зевал и скучал, да всё посматривал на незаконченную, в какой-то мере искусную картину.

– Её б ещё лаком покрыть, – говорила она с безумным восторгом. – Да, покрыть. Завтра займусь этим, а за ночью она успеет высохнуть. Не спать! – вскрикнула Дарья Сергеевна, когда я на мгновение прикрыл глаза. – Лучше уж скажи, почему задержался. Мне интересно, что там в магазине. Она резко остановилась и взяла конец кисти зубами.

– Да так, маленькая неприятность, происшествие, если можно так выразиться...

Дарья Сергеевна слушала внимательно, как Василий, но в отличие от него, нисколько не посочувствовала мне, а скорее наоборот проявила мрачное безучастие и окончательно растворилась в картине.

– Краски завтра куплю, а то заканчиваются. У меня куда-то подевался плотный картон. Не ты забрал его?

– Не шути так. Я твоего не беру.

– Тогда рама где? Тёмная рама из дуба? Да, наверное, я сама всё теряю, – призналась она и улыбнулась смущённо. – Не проверишь как-нибудь подвал, сарай, в конце концов? Там явно завалились хорошенькие вещицы.

– Это какие, например? – спросил я озадаченно. – Всё хорошее вокруг нас, взгляни!

Дарья Сергеевна мотнула упрямо головой и окунула кисть в пластиковый стакан с серой водой.

– Нет, оно есть везде, – ответила она, вынув чистую, будто совсем новенькую кисть. – Там, где даже не догадываешься. Бывает, забросишь барахло на чердак, а потом гадаешь, зачем же оставил, если оно ещё пригодится.

Только я стал подниматься к себе, как Дарья Сергеевна пожелала добрых снов, оставила, наконец, художество и, отмыв бело-синие пальцы, отправилась сладко дремать.

Меня одолевала вялость, а сны так и не приходили. Синие стены с синим потолком навевали тоску. Я сбрасывал оде-

яло на пол, ходил неспешно по кругу, иногда натыкаясь на острую мебель, и редко зажигал лампу с бумажным зеленоватым абажуром, который постепенно нагонял сонливость. К половине третьего ночи я был слишком утомлённым и рассеянным. Уже не было желания бродить, хотелось спать допоздна, и чтобы никто не разбудил ненароком.

Сон поначалу был однообразен. Томительное затишье прервал звон колокольчика.

– Бежим туда, бежим, пока день не угас! – прогремел дружный хор сильных голосов.

– Да, пока не угас, пока солнце не скрылось за горизонтом! – закричал я нелепо в ответ и пустился бегом по крутой лестнице, ступени которой рушились.

Наверху в несколько десятков рядов стояли дома, настолько высокие, что заслоняли небо и облака. Стены, поросшие мхом, были без окон. Каждое затейливое крыльцо зарастало лопухами, клевером, а двери увивали жирно-зелёные заросли крапивы. Площадь, окружённая зубчатыми клёнами, пустовала.

Тишину разорвал пронзительный вопль, и я устремился вниз по широкой дорожке, огибающей приземистое здание из коричневого камня.

И вот, спустя ещё один неприглядный квартал наступила ночь, и показался магазин. В открытом настежь «Летнем розмарине» отмечался какой-то необыкновенно яркий праздник. Люди сидели за стеклянными столами и пили

шампанское, доставая откуда-то всё новые и новые бутылки. Костя стоял, как обыкновенно, за кассой, в помятом блестящем костюме и бархатном пиджаке, и здоровался со всеми, кто подходил к нему, и обнимал радостно руками вновь прибывших гостей. Он улыбался ласково женщинам и ослепительно мужчинам. Затем собирал любовно букеты и возмущённо пыхтел, если ему мешали.

Протискиваясь боком сквозь толпу, я споткнулся у керамических ваз и растянулся по полу на смех ребёнку, который ничего не пил и не ел, но сильно скучал.

– Ты что тут? – спросил Костя. – Встанешь или лежишь ещё? Грязно-то, не убрано.

Он бросил безвкусный букет в толпу, и кто-то поймал его и восхищённо заахал.

– Какой чудесный, – слышалось в магазине, и люди захлопали тому, кто забрал цветы.

– Отдай! Мой букет, верни!

– Уже не твой.

– Сволочь!

– Как ты меня назвала?

– Получи!

Женщина в пышном уборе помогла мне подняться, наполнила пенистый бокал и чокнулась с горбатым стариком.

– За вас, – сказала она.

– Кто ты? Гость? – растерялся Костя, с неуверенностью ощупывая мою ладонь. – В списке ты не числишься, у меня

нет карандаша или ручки, чтобы записать тебя. Если хочешь, то можешь оставаться, но не бей статуэтки. Их бьют просто так, от веселья. Если бы я только словил мерзавцев и заставил их чинить мебель!

– Они плохие гости.

– Кошмарные. До чёртиков, – согласился Костя.

– Зачем ты их пускаешь?

– Не одному же за кассой стоять и мух считать. Лучше уж я ручки пожму.

– Ты не слышал крик? – спросил я после короткой заминки.

– Кричали гости. Они кричат и поют громко, но ты привыкнешь, привыкнешь, как я. Слышал с улицы? Так тем более. Мы одни открыты в городе. Все к нам идут, как будто не работают телевизоры и компьютеры. Точно, не работают.

Костя виновато спохватился, поправил костюм, переливающийся искорками, и, взяв микрофон, заорал, чтобы гости обратили внимание:

– Я покажу вам кое-что особенное, но только если вы замолкните! Помолчите минуточку, пока я копаюсь в подсобке. Эй, девчонка в бежевых шортах! Да, да, ты!.. Хватит напиваться, ты не свинья. Твой мужик и то не шатается.

Гости дико загоготали и, точно протрезвев, оставили бокалы. У кого-то лопнул стакан. Он порезал руку, кровь потекла на засохшие листья, которые давным-давно не убирали. Я присел на диванчик за прелестным жасмином.

– Она единственная в своём роде. Я всё вам покажу, кошмарики, не скучайте!

Костя подозвал курного мужичка с толстым пузом, свисающим через ремень. Они вместе нырнули в подсобку. Ко мне присоединилась женщина в пышном уборе и, откинув блестящие коричневые волосы за спину, сказала надменно и прохладно:

– Не наш. Зря он пустил вас в магазин.

– Вы против? Мне уйти?

– Не стоит.

– Почему?

– Для чего уходить, когда вы только-только зашли? – спросила женщина и сверкнула хитрыми узкими глазками. – Но моё мнение ничего не значит. Тем более, владелец приготовил сюрприз, и будет невежливо уйти, так и не посмотрев на него.

– Я останусь.

– Как хотите.

Женщина кивнула старику, и его лицо, некогда тощее, сухое и желтоватое, исказила маска весёлой злобы. Наклонившись к уху мальчика, которому поручили держать тарелку с закусками, он прошептал взволнованно какое-то слово. Мальчик заметно оживился. Он задержал на мне колючий взгляд, пока старик не доел бутерброды с красной рыбой и жиром измазал шёлковый галстук.

– Пф. – Обдужал себя глянцевой визиткой парень, бегаю-

щий от столика к столику в поисках вентилятора. – Включите, наконец, музыку! Я с ума сойду. Не подскажите, где моя любимая музыка? Ну, где?

В конце концов он выбросился в окно. Снаружи раздался глухой хлопок, будто магазин находился на этаже пятом, как минимум. Довольно скоро старик запустил проигрыватель. Заиграла торжественная музыка.

Костя с мужичком, тяжело шаркая подошвами, вынесли огромный куб, укрытый куском алой ткани. Не сдержав эмоций, Костя крикнул громко без микрофона:

– Это то, что я хочу показать всем в магазине. Вы заслужили! Встань, гость не из списка, – приказал Костя строго. – Посмотри первым.

– Посмотри! Посмотри! Посмотри! – повторяли люди, не уставая, и толкались.

– Ладно, – согласился я. – Вам нельзя отказывать. Такие вы чёртики.

Гости одобрительно засмеялись, радостные тому, что получили прозвище. Костя усмирил их, и они выстроились смирно в плавный полукруг. Мужичок шмыгнул за спину старика. Костя, согнувшись, ножницами срезал свежую розу, повернулся направо и передал её женщине с золотистым полевым хомяком, набирающимся сил на костлявом плече.

– Подойди ближе, – сказал один из гостей, топчась на месте. – Сколько тебя ждать придётся? Такими темпами сюрприз будет испорчен.

Костя скривил рот и глянул на гостя настолько свирепо, что тот сразу же затрепетал от страха и начал оправдываться. Им уже не были заинтересованы.

Шаг. Второй. Третий. Расстояние до куба стремительно сокращалось. Костя, безмерно терпеливый и сдержанный, как настоящий владелец и хозяин, стоял неподвижно, затаив дыхание. Я осторожно откинул ткань. Гости, включая меня, увидели махонькую железную клетку, в которой полулёжа на рваной простыне заметно дрожала голая девушка с браслетом, какой был мне хорошо знаком. Она впилась глазами в меня, слабо пошевелилась и хрипло застонала от боли, кажется, произнеся сдавленно: «Спаси». Люди пришли в восторг, когда она побагровела от злости.

По магазину волной прокатился невообразимый шум. Я отошёл на безопасное расстояние, потому как гости, окружив клетку, быстро сломали её и отобрали силой простыню. Костя следил за хаосом и подмигивал мне украдкой, ничего не предпринимая.

– Что будем делать с ней? – спросила гостья в кожаной жилетке и ухватила лапой за волосы несчастной. Вывернула длинную шею, как у жирафа, и переглянулась с другими, распахнув белозубый рот: – Проведём небольшой тест?

– Зачем тест? Они все скучные. Давайте поглядим, как она бежит?

– Вставай, дура! Потом полежишь, – сердито фыркнул другой гость в модном шерстяном пальто нараспашку. – Ко-

му сказали, поднимайся!

– Поднимайся, поднимайся! – зазвучал знакомый хор.

– Эй, да она же глухая, – сказал гость двадцать три, сморщив гримасу, и шлёпнул звонко девушку по затылку. – Вы нам что за сюрприз устроили? Какой-то он совсем не приятный. Она не откликается. Нормальная бы уже вскочила и заверещала на меня. А этой хоть бы что!

– Забирайте немую, – раздалось недовольное ворчание.

– Зачем притащили, для каких целей?

– Ну, не нервничайте, – аккуратно начал Костя и добавил лукаво: – Дорогие гости, она не привыкла наблюдать за столпотворением. Кыш отсюда, а не то побью!

Предложив людям потанцевать, он грубо встряхнул девушку, поставил её на ноги. Заставил плясать. Она была истощена и шаталась туда-сюда. Браслет тонко противно пищал, переливаясь оттенком серой белки.

Старик взял под руку женщину без пышного убора, и они бешено закружили по магазину, напевая мелодию, заглушающую сотни тысяч бесцветных жалобных голосов, доносящихся из неосвещённой подсобки со странным дребезгом. Гости заметались по всему магазину, подпрыгивая и выбивая дробь лакированными каблуками. Поломанная клетка растворилась в воздухе вместе с простынёй и цветами. На их месте образовалась вязкая пустота.

– Танцы, так танцы.

– Бери кого-нибудь, – произнёс Костя, изобразив подобие

дружелюбной улыбки, – и иди к нам. Веселитесь, кошмарники, у нас до утра много времени! Кстати, мне представить дорогушу, которой вы не можете налюбоваться? Или она сама скажет, как её зовут? А, какой номерок?

К всеобщему разочарованию, я никого не выбрал и, подбежав к Косте с девушкой с необъяснимым чувством сострадания, которое крепло во мне с каждой секундой, попытался остановить танец, почти набросился яростно на Костю, но промахнулся с ударом.

– Не удержишься.

– Удержусь.

– Погляди, – изумился Костя притворно. – Ты ослаб и не контролируешь себя. Старик, – позвал он властно. – Прибавь громкость!

Мои ноги совсем не слушались. Я двигался ритмично и плавно, жадно прислушиваясь к музыке, и переполнялся полной горечью. Девушка с браслетом шелестела неизвестно откуда появившимся платьем, расшитым кружевом, и мучилась, но продолжала порхать с бездумным взглядом, держа перемазанную засохшей грязью ладонь в ухоженной руке Кости. Мужичок крутился рядом и нащёптывал разную чушь.

– Карточки, бумажечки, всё что угодно просите, спросите, я знаю. А что, вы уже знакомы с хозяином? – спросил он, но я пропустил вопрос мимо ушей.

– Нет смысла.

– Почему?

– ...Отыщите меня! – вдруг пролепетала девушка и, скинув бусы, зачесала красную шею.

Костя закрывал ей губы, но она всё больше сопротивлялась, желая сказать мне что-то важное.

– Как тебя найти? – спросил я.

– Отыщите меня. Я близко, близко! – закричала она, взвилась на дыбы, как кошка, и бросила партнёра наземь. – Оставьте в покое! Не хочу танцевать с вами. Не хочу танцевать ни с кем! Отпустите, я болею!

– Что ты себе позволяешь? Терпи, не плачь!

Костя побагровел от гнева и, вмиг поднявшись, повалил девушку. Завязалась драка.

Пустые бокалы и бутылки, влажные от шампанского, разбивались, и густо усеивающие пол стёклышки блестели, как маленькие зеркала, в которых колыхались отражения. Магазин обрушился, проход к подсобке завалило обломками.

Измотанные гости попадали замертво, и над моим ухом явственно прозвучал плач. Я проснулся, задышал отрывисто, обхватив одеяло. Потные волосы липли к подушке, лихорадочно горели щёки. В комнате ощущалась невыносимая духота. Сердце было как будто порезано ножом.

Скоро я уснул во второй раз. Сны мне больше не снились.

Глава четвёртая.

Как помощник устроился в «Летний розмарин»

Костя был крайне удивлён тем, что помощнику хватало духу смотреть ему без стыда в глаза. Демонстративно он раздражался, грозясь уволиться из магазина.

– Что ты бесишься? – спросил я, отдав две коробки с перемороженными цветами назад шуплому поставщику. Остальные, естественно, принял, так как они были годны для продажи.

Мужик неловко пожал полными плечами, прошепелявил, покачиваясь на козых ножках:

– Не знаю, не понимаю. Цветы хорошие все! Были хорошими и свежими! Больше такого не будет. Это в последний раз! – с искренним недоумением он заморгал испуганно. – В следующем месяце приеду и привезу, – произнёс мужик, скосившись на грузовик. – Подождите один месяц.

Я недоверчиво смерил поставщика взглядом и обратился к Косте, теряя терпение:

– Не ходи вокруг да около. Не мешай... Слушай! Там посетитель. Я пока разберусь с товаром, а ты иди за стойку.

Помощник десять тысяч триста восемьдесят пять двинулся крадучись за ним.

– Стой.

– Для чего?

– Ты носишься за мной, как дурак, – попытался убедить помощника Костя.

– Дурак у нас тут Владимир, – сказал помощник и, трижды шумно чихнув, засмеялся оттого, что был прав. – Ну какой из меня дурак? Я на него не похож.

– Ты утверждаешь, что Владимир Беркутов дурак, но идёшь работать вместе с ним. Ну и наглость!

– Совсем нет.

– Это почему?

– Владимир сам так говорил про себя. Ему лучше знать, кто он. Со стороны не виднее.

Разобравшись с цветами, я вернулся к подчинённому и помощнику, которые не находили общий язык и спорили, как пышнее оформить витрину. Спор их показался мне до жути забавным, но бессмысленным. Помощник тотчас же обратился за советом:

– Как считаете, что главное: украшения или живые цветы? Костя, например, думает, что и то и то. Но зачем побрякушки флористу? Флорист зовётся флористом потому, что работает с цветами, а не со всякими пустяками. Вы бы ничего не сотворили, взяв бумагу, бисер, вафли да конфеты. Соберите розы с ромашками и гвоздикой. Ни ткани, ни ленты не понадобятся!

– Отвлекаешь, – буркнул Костя исподлобья, прыская во-

дой на листья.

– Да?.. Так что, Владимир?

– Подмети лучше пол.

– Подмети, подчинённый. – Костя расправил плечи, слегка приободрившись, и сощурился. – А то шляется, вопросы глупые задаёт. Зелёненький... помидор! Подметёт и пусть гуляет. Слышал, что сказал Владимир? Он не за тебя, а за меня.

Помощник виду не подал, что расстроился, выпросил бейдж со своим номером.

– Ты не подчинённый? Если нет, то заканчивай работу. – Я указал Косте на двери. – То-то же! И ты был зелёным когда-то. Нехорошо ведёшь, очень плохо, – сказал я с огорчением. – Кто так обходится с новичком? Помнишь, чтобы я обижал тебя? Никогда. Возможно, и было за что, но я не хотел упрекать.

Костя хихикнул стыдливо, промолчал. До вечера он ходил как в воду опущенный, стараясь не сталкиваться часто со мной или с помощником, пленённым мерным течением работы. Каждая минута у него не пропадала зря. Он самостоятельно впускал посетителей, бережно, даже почтительно обращался с ними, без суеты хлопотал над земляными горшками и к девяти часам раскинулся на диванчике, признавшись застенчиво, что устал. Я убедил помощника, что ощущать слабость обыкновенно. Сवेशивая левую ногу, он грустил, что между ним и Костей пробежала чёрная кошка,

и с робостью, сковывающей язык, говорил тихо:

– За что он так меня? Я ему ничего не сделал. Вы тоже думаете, что я безнадежен?.. Нет, вы заступились. Он ревнует?

– Вероятно, он не хочет, чтобы кто-то занимал его место, – предположил я громко, нагружая мусорный мешок. Кости в «Летнем розмарине» уже не было.

– Как я займу место, если не работаю? Вы пока не приняли меня.

– Вопрос времени.

– Если примете, то я займу своё собственное место... Вроде бы, не хочу, а всё-таки обижаю.

– Признайся, как тебе.

– Что же?

– Магазин. Есть талант или как?

– Не сказать, что бы уж талант, но люди были довольны. Видели, как они выгибали брови? Дружелюбия у меня не отнять, – похвалился помощник простодушно. – Я догадывался, что мне подойдёт ваша профессия. Не зря всё проходит. Костя потом примет меня и прекратит дуться.

– У тебя есть паспорт?

– Паспорт? – спросил он потеплевшим голосом. – Паспорт не для меня. У Анны есть свидетельство о моём создании и старый чек, который вручили Пустыркиным после оплаты. Я, знаете ли, что-то там стоил, но меня долго не продавали, года, этак, два. Странное было время, пустое.

– И чего не продавали? Ты бы послужил хорошую службу.

– Должен знать... Что вам приспичило? Не помню. – Махнул помощник рукой. – Это для того, чтобы устроить меня в магазин, я прав? Я принесу свидетельство и чек.

– Трудовой книжки, значит, нет, – проговорил я, припомнив, как помощник горел желанием овладеть любой профессией. – Я оформлю её для тебя. Чек не приноси. Свидетельства будет достаточно.

– Завтра? Так скоро! Не уснуть мне ночью, – признался он, радостно волнуясь и дрыгая смешно ногой, с которой слетел расстёгнутый ботинок. – Вы дадите мне настоящий бейджик? Не то, что этот, вон, какой серый и потрёпанный! А как насчёт формы? Между прочим, у меня есть чистая рубашка и неплохие брюки.

Мне и самому было приятно и беспокойно оттого, что нам предстояло работать вместе. Речь об обустройстве помощника в стенах «Летнего розмарина» ранее не заходила, и этот помощник был одним из немногих, кто стремился изучить флористику как искусство. Предполагаю, что он брал в пример Василия, который трудился без отдыха.

Следующим же днём Костя предпочёл не затевать ссору. Ему были предельно ясны мои указания. Если что и представлялось затруднительным, то он задавал вопрос в блокноте, тыча им мне безмолвно в лицо, и записывал заказы клиентов, которые звонили по телефону. Потом он отрывал стикеры и клеил их прямо на кассовый аппарат.

В обеденный перерыв я запустил помощника в тесный ка-

бинет. Мы присели за аккуратный чистый стол из европейского бука. Я вынул из ящика, запираемого на ключ, договор и трудовую чёрно-золотую книжку и приступил к заполнению титульного листа.

– Номер?

– Забыли? Что ж вы за работодатель гадкий?

– Звать тебя числом как-то неразумно, – оправдался я неуклюже и сказал механически во второй раз: – Номер.

– Десять тысяч триста восемьдесят пять.

– Дата создания?

– В две тысячи тридцать четвёртом году. Подтвержу слова свидетельством, – откликнулся он невозмутимо и показал голубоватый документ.

– Сколько было лет на момент создания?

– Ноль, – сморщился он, вжавшись спиной в стул.

– Наверное, из-за этого не продавали.

– Объясните.

– Ты был ребёнком. Ребёнка из детского дома не всякий заберёт, его кормить и воспитывать нужно. Сейчас делают помощников молодых, крепких, чтоб за домом ухаживали и заботились о безопасности. Мало ли, грабитель какой или убийца, а здоровяка нет рядом! О, ужасно, пришлось бы спасать и себя, и маленького.

– Не соглашусь. У меня другое мнение.

– Какое?

– А такое, что я!.. То есть, помощник, даже если он несо-

вершеннолетний, годится для многого, – вытаращился он потрясённо и с вполне ожидаемой горячностью начал доказывать собственную правду на примере знакомых ему помощников. – Девять тысяч сто сорок четвёртый известен тем, что спас двенадцать человек из-под обвала камней с утёса, а ему было всего лишь девятнадцать. Он не отличался любовью к спорту и выпивал в компании. Ну? Или как вам помощница по кличке «Панцирь», в которую в шестнадцать лет выстрелили семь раз. Она закрыла хозяина от пуль и выжила. Вы действительно думаете, что они слабаки?

– Ты говоришь о единичных случаях, – осадил я помощника резко, вернувшись к трудовой книжке. – Молчал уж лучше бы. Так далеко не уйдём.

– Да. Перерыв закончится, а мы не разобрались... Сомнения мучают. Откажись от них, вы бы взглянули на меня другими глазами! – договорил он и утих.

– Профессия, помощник флориста. Не подскажешь сегодняшнее число? Дату укажу.

– Шестое августа две тысячи пятидесятого.

– Подпись.

– И вашу.

Поставил печать.

Перед тем, как заключить трудовой договор, помощник вчитывался в смысл написанного и, перечитав раза четыре раздел оплаты труда, остановился на сведениях об ответственности сторон. Он расписался на втором экземпляре,

предчувствуя беспокойное будущее, и подавился смехом.

– Не с дьяволом заключаешь сделку.

– Лучше с ним, – повысил голос помощник.

– Шутишь? – спросил я, расплывшись в улыбочке. – Он слышит тебя.

– Какие тут шутки? Пока я на земле, я не боюсь ни дьявола, ни Бога. Они меня достанут в аду или в раю, когда я умру. В «Летнем розмарине» меня достанете только вы, ещё как достанете! Ну, теперь мы в одной лодке? – Он протянул уверенно руку. – Пожмите. Так принято.

– Принято.

– Мне надо срочно похвастаться Пустыркиным, что я получил работу. Разрешите позвонить, начальник?

– Разрешаю, – сказал я и подавил короткий смешок. – Уж очень ты не похож на работника. Скорее всего, не он.

– Зовите, как удобнее, но вы для меня теперь начальник. Можно взглянуть на книжечку?

– Возьми.

Он посмотрел внимательно на титульный лист трудовой книжки и, ярко искрясь, вылетел из кабинета. Костя, пришедший с обеда, заметил перемену, произошедшую с помощником, и решил поговорить со мной.

– Что он разогнался? Чуть не сшиб меня!

– Потому что работает впервые. Официально, – объяснил я, не переставая удивляться энергии помощника, который катался по магазину на стуле с колёсиками и кричал воз-

буждённо со слезами на губах: – Как хорошо, как прекрасна жизнь! Почему так весело? Коллеги, давайте ко мне.

– Вы всё же приняли его?

– Ты недоволен.

– Что ж, придётся как-то мириться с вашим выбором. Я не вправе осуждать. Но предупреждаю вас, чтобы он не болтался бесцельно. Кажется, он действительно счастлив. Как погляжу, вы тоже. Улыбаетесь. Когда в последний раз вы улыбались так естественно и просто? – спросил Костя, намекая на присущую мне чрезвычайную серьёзность.

Но то была не моя широкая улыбка. Помощник всего лишь заразил меня безоблачным настроением и верил, что поступая, как вздумается, он поступал порядочно и справедливо. Бесхитростная искренность в его поведении подкупала больше всего.

Глава пятая.

Злополучная тетрадь

Четырнадцатого августа всё шло своим чередом. Нас на полчаса проведаль Костяшкин и купил букет для дочери, у которой состоялась помолвка с добрым и вежливым, по словам довольного Дмитрия, молодым человеком. В приподнятом состоянии он полюбопытствовал, откуда появился новый работник. Заметив, что тот не человек, Костяшкин многозначительно хмыкнул и подозревал Костю, подмигивая мне правым голубовато-синим глазом.

– Уже сдружились?

– Не то, чтобы дружим, – замялся Костя, посмотрел на воодушевлённого помощника, но тут же осмелев, произнёс равнодушно: – Мы вообще не любим друг друга. Он делает свою часть работы, а я свою. Так, пустяк. Уж очень меня не устраивает этот типчик. Мутный.

– Он натворил глупостей? – удивился Костяшкин и крепко сжал ирисы.

– Да так... Ходит всегда весёлым, полным сил.

– Ну, что в этом плохого? Хорошо, когда у человека устанавливается гармония.

– Ничегошеньки плохого нет, – охотно согласился Костя и, как бы между прочим, отметил: – Да вот только эта бод-

рость мешает ему, портит. Пишет много, отвлекается от дел насущных.

– Пишет на рабочем месте? – спросил шокированный подобным обстоятельством Костяшкин.

– Именно, что на рабочем, – сообщил энергично Костя. – Четыре дня назад, как закончился перерыв, я ринулся помогать Владимиру, которому предстояло выполнить большой свадебный заказ. Также я сидел на телефоне и помогал обслуживать других клиентов. К счастью, их было не много. Естественно, мы так забегались, что сперва не заметили, как куда-то делся помощник. Я сразу пошёл искать, в кабинете его не было. Оказалось, что он сидел в подсобке в самом углу за ведром и шваброй и строчил что-то яростно фломастером.

– Дальше... Что было дальше? – не удержался Дмитрий с потемневшим иссиня-чёрным взглядом.

– Он был не с тобой разве? – спросил я, неприятно удивившись подчинённым.

– Был потом. Но не с двух до трёх уж точно. Так вот, я подбежал к нему и грозно так прокричал: «Чем ты тут занимаешься, пока мы батрачим?» Вздрогнув от неожиданности, он захлопнул тетрадь, лежащую на коленях, и попробовал убежать. Я поймал его за плечи, забрал, конечно же, тетрадь, как неопровержимое доказательство того, что он отвлекается на ерунду, и, удерживая за локоть, прочитал, о чём он писал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.